

Иосиф Герасимов, разведчик 2-го Дальневосточного фронта, написал отличный роман о маньчжурском походе «Туда и обратно».

Писатель Олег Смирнов, служивший военным журналистом на Забайкальском фронте, — роман «Неизбежность».

Георгий Марков, в будущем — глава Союза писателей СССР, в дни разгрома Квантунской армии был военкором газеты Забайкальского фронта «На боевом посту» и позже написал повесть «Орлы над Хинганом».

Михаил Анчаров, впоследствии — сценарист, драматург и первый бард, воевал на 1-м Дальневосточном фронте, был переводчиком с китайского. Его дипломной работой в Суриковском институте стала картина «Освобождение Маньчжурии», а боевые действия августа 1945 года Анчаров описал в повести «Этот синий апрель...». Как и Богомолов, как и Федор Абрамов, Анчаров служил в военной контрразведке СМЕРШ. Есть фото младшего лейтенанта Анчарова в Маньчжурии — и как же не похож этот красивый, тонкий, интеллигентный офицер на тех звероватых и упыреватых СМЕРШевцев, которых нам показывают современные кинематографисты!

Поэт Павел Шубин служил в газете 1-го Дальневосточного фронта «Сталинский воин»:

В артурской кровавой купели
Была наша месть крещена.

Поэт Петр Комаров был прикомандирован к частям того же фронта как корреспондент ТАСС:

Мы расстреляли эту тишину,
Когда входили в город Санчагоу.

Среди участников маньчжурской кампании — Юрий Левитанский:

Приводят пленного японца.
Идет конвой, блестя штыками...

В этом же строю летописцев короткой восточной войны — Владимир Богомолов.

Николай Подосокорский, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. Великий Новгород.

ЭХО БОБКА: КЛАДБИЩЕНСКИЙ РАССКАЗ ВАСИЛЯ БЫКОВА

Среди поздних рассказов Василя Быкова, в которых зачастую царит мрачная атмосфера безысходности и мастерски показано чувство потерянности, обреченности маленьких людей, не способных совладать с собственной судьбой, особо выделяется рассказ «Довжик», впервые опубликованный в журнале «Знамя» в 1999 году. Его отличают, казалось бы, мало свойственные творчеству Быкова намеки на мистицизм и нарочитая интертекстуальность. Собственно, уже в рассказе «Очная ставка», опубликованном в том же номере «Знамени», в паре с «Довжиком», военинженер III ранга Булавский, прошедший немецкий плен и пытающийся восстановить свое имя на допросах в отделе контрразведки СМЕРША, признает, что стал жертвой момента, когда «перестал управлять собой» и «неведомые силы руководили им».

Не прошедший в итоге проверку у спецслужбистов Булавский как будто предчувствовал свою гибель, когда рассуждал о том, что связывает на этой земле мертвых и живых: «Но ведь вот и он любил свою Нинку — возможно,

уже мертвую, растерзанную где-нибудь на дороге во время бомбежки, засыпанную землей, давно похороненную... Что-то же остается от человека даже после его непродолжительной жизни? Но остается в сердцах и памяти близких. У далеких и незнакомых ничего остаться не может. Чего не было при жизни, то не может сохраниться после смерти».

В «Довжике» тема взаимосвязи живых и мертвых еще более усилена и заострена. Первичное действие рассказа происходит на кладбище, устроенном на бывшем совхозном поле, куда приезжает Макаревич, бывший участник партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны, чтобы навестить спустя пятнадцать лет могилу своего бывшего начальника по институту. Посещение кладбища наводит героя на «печальные размышления о бренности земного» и «о загадочности потустороннего, когда тело остается на этом вот бывшем совхозном поле, а душа отлетает куда-то». При этом разменявший восьмой десяток лет бывший партизан не очень-то верит в вечную жизнь, полагая, что «вполне может статься, что до сих пор не разгаданного просто не существует, и всякая человеческая жизнь банальным образом и заканчивается на таком вот кладбище».

Подробное описание могил, на которых крестов «почти не видеть», в самом начале произведения Быкова отсылает к рассказу Ф. М. Достоевского «Бобок», герой которого Иван Иванович также посещает городское кладбище, где не был двадцать пять лет. Чтобы эта аллюзия точно не осталась незамеченной, автор в иронической форме сделал соответствующую закладку в тексте при описании памятников бандитам, погибшим в период «короткой и бурной эпохи начального перераспределения капиталов». На одном из них была «надпись определенного толка»: «Твой успех обмываем без тебя, Бобок».

Если герой «Бобка» Достоевского стал невольным свидетелем «разврата последних упований» разлагающихся мертвецов, обменивающихся друг с другом разными скабрёзностями, то герой рассказа Быкова встречает, на первый взгляд, живую семью у могил, на которых видит знакомую ему по партизанскому движению фамилию — Довжик. При этом тела самого Владимира Довжика на этом кладбище нет (место для него как для пропавшего без вести было лишь приготовлено родными), но Макаревич знает, что именно с ним на самом деле произошло. Сперва он решает ничего не говорить его близким, но затем все же рассказывает правду о его гибели и уже в ходе этого тяжелого признания ощущает противодействие нечистой силы. «Труден и порой малоубедителен был его рассказ, и он чувствовал это. Знал: так бывает еще, если слушающие не расположены к рассказчику или среди них находится духовный вампир, „пожиратель мысли“, как он таких называл».

Этим «вампиром» оказывается муж-инвалид сестры Довжика, который со злобным криком обрушивается на рассказчика, посмеявшегося открыть им неудобную правду: «Зачем вы все это рассказываете? Кто вас просил? Мало нам было горя от неизвестности, так вот утешили, называется! На кой черт нам такая правда?!» (персонажи этого рассказа, как и герои «Бобка», весьма часто поминают черта).

Что же за неприглядную правду о войне рассказал Макаревич? Оказавшись осенью сорок третьего года в партизанском отряде вместе с двадцатилетним Довжиком, он стал невольным свидетелем того, как их вечно пьяный командир велел тайно расстрелять его товарища из-за приглянувшихся ему трофейных немецких сапог, бывших на партизане. Эти сапоги («добротные — из твердой юфтевой кожи, на толстой подошве, с голенищами в форме бутылок — как раз по голени»), ради которых сам Довжик ранее убил одного немца, гоняясь за ним по лесу целый километр, как оказалось, не принесли ему счастья. Недолго им радовался и командир, убивший (хоть и чужими руками) ради удобных сапог своего подчиненного, — он в свою очередь «геройски погиб во время прорыва возле болотистого озера». Непосредственные убийцы Довжика также, по всей видимости, не ушли от воздаяния: «...куда исчез его адъютант Махно,

никто толком не знал. Взводный Дмитренко раненым попал в плен к карателям из батальона СС, его судьба была и вовсе незавидной».

Эта история Быкова о губительном воздействии на человека проклятого «богатства», нажитого путем убийства, перекликается с рассказом Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала», в котором бедняк Петро Безродный оказывается обманут нечистой силой и принужден к убийству младшего брата своей возлюбленной ради обретения клада. Довжик рассказывает Макаревичу, что более всего тяготило его душу, и это было отнюдь не убийство немца, а то, что в ночь на Ивана Купала командир партизанского отряда заставил его с товарищем указать дом их бывшей учительницы немецкого языка Петрокевича (у Быкова жертва наделена фамилией — производной от имени убийцы в рассказе Гоголя), которую немцы заставили работать переводчицей. За то, что Петрокевич не отказалась помогать врагу, партизаны сами вынесли ей смертный приговор. Довжику же, выманившему свою учительницу на расстрел, в качестве награды преподнесли орудие ее убийства — немецкий карабин «с загнутой рукояткой и какими-то зарубками на ложе».

Единственным, что в итоге осталось от Довжика, также обманом выведенного подручными командира на расправу, оказалась книга, которую он увлеченно читал в дозоре. После его убийства Макаревич какое-то время носил ее в боковом кармане своей фезеешной куртки, а «потом она пошла по рукам и в конце концов была израсходована на сигарки». Это был роман «Амок» Янки Мавра, известного своим увлечением спиритизмом (писатель, по свидетельству современников, участвовал в вызове духов Наполеона, Бальзака, Толстого, Северянина и других и записывал в специальную тетрадь результаты такого рода сеансов). Амок же — это особое психическое состояние слепой ярости и жажды убийства, когда человек уже сам себе не принадлежит, но всецело подчиняется неведомой злой силе, жаждущей кровопролития. Как показывает в своем рассказе Василь Быков, на войне впасть в это состояние гораздо легче, чем затем из него выйти.

Александр Мелихов, писатель, критик, эссеист. Санкт-Петербург.

ПРОКЛЯТА И ВОСПЕТА

Виктор Астафьев не раз твердил, что преступно показывать войну героической и тем самым привлекательной: «Те, кто врет о войне прошлой, приближают войну будущую. Ничего грязнее, жесточе, кровавее, натуралистичнее прошедшей войны на свете не было. Надо не героическую войну показывать, а пугать, ведь война отвратительна. Надо постоянно напоминать о ней людям, чтобы не забывали. Носом, как котят слепых, тыкать в нагаженное место, в кровь, в гной, в слезы, иначе ничего от нашего брата не добьешься» («Игарские новости», март 2014 года).

И первая, фронтовая часть романа «Веселый солдат» («Новый мир», № 5, 1998) просто истекает кровью, гноем и слезами. Как ни у кого прежде. Симонов, Казакевич, Бондарев, Бакланов, Богомолов, Быков смерть изображали, но физиологию почти никогда. Хотя до смерти и у Астафьева четыре шага.

Окружение, попытка прорваться, крупнокалиберные пулеметы, тяжело ранен командир дивизиона Митрофан Иванович Воробьев — он и через полвека назван по имени-отчеству. «Добрый, тихий и мужественный, редкостной самовоспитанности человек это был единственный на моем фронтовом пути офицер, который не матерился». «Он и на Днепровском плацдарме с нами оказался, в первые же часы и дни после переправы, тогда как некоторых офицеров из нашего дивизиона — да и только ли из нашего? — на левом берегу задержали более „важные и неотложные“ дела».